

Эмма Рудкевич

Развод с предателем.

Теперь в моём доме
живёт егерь!

Эмма Рудкевич

**Развод с предателем. Теперь
в моём доме живёт егерь!**

«Автор»

2026

Рудкевич Э.

Развод с предателем. Теперь в моём доме живёт егерь! /

Э. Рудкевич — «Автор», 2026

Я вернулась домой с мешком муки и застала молодую любовницу мужа в своём любимом халате.— Дом мой, Полина. А ты здесь гостя! — заявил Степан. Десять лет я готовила, работала и строила наше хозяйство. Теперь он оставил меня под дождём, без денег, даже не позволив забрать куртку. Ночью у крыльца остановился квадроцикл. Суровый егерь Григорий Оленев молча накинул мне на плечи свою куртку. Я перебралась в старую бабушкину избу и начала всё сначала. Но Степан не собирается отпускать ни меня, ни землю, которая, как выяснилось, принадлежит мне. Смогу ли я отстоять дом и поверить в любовь, которая ничего не требует взамен?

© Рудкевич Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Эмма Рудкевич

Развод с предателем. Теперь в моём доме живёт егерь!

Глава 1

Ключ опять заело. Пришлось приподнять дверь коленом, как всегда в сырую погоду. Степан обещал поправить петли ещё прошлой осенью; за десять лет я научилась открывать дверь так, чтобы не разбудить его. От причала дотащила мешок муки почти без остановок. Теперь нужно поставить его у стола, не рассыпать по полу, потом — чай. Крупы привезла, муку купила; можно хотя бы до ужина никуда не спешить. За ворот затекала вода. Очень хотелось сухую рубашку и свои тапочки, которые я утром оставила под лавкой.

Я толкнула створку ногой, потому что руки были заняты, и шагнула внутрь.

И замерла.

Дверь не успела закрыться, а я уже учуяла чужие духи. От резкой сладости засвербело в носу. Зверобой у печи, копчёное мясо на чердаке — всё перебило этим запахом. Кто-то сидел здесь долго и успел обжиться. Степан гостей никогда не проветривал: говорил, что от открытых окон тянет по ногам.

На кухне увидела тонкую девичью спину. Светлая коса лежала между лопатками, прямо на моём халате. Я узнала его по манжетам: три года назад подшивала, одна получилась шире другой. Фланель была старая, мягкая; зимой надевала этот халат первой вещью, пока Степан досыпал после охоты. Сейчас в нём стояла Варвара. Халат сидел на ней мешком, болтался на худых плечах, а она, держась за ворот, приглаживала косу у виска. Я видела, как она делает это в магазине перед Степаном. Здесь, у моей плиты, жест выглядел совсем иначе.

Пояс халата был завязан моим узлом, в два оборота. Наверное, сам показал ей, как я делаю. От этой мелочи стало дурно — хуже, чем от духов. Пальцы свело судорогой на ручке двери. Мешок с мукой грохнулся о пол, подняв облако белой пыли.

— Степа? — голос Варвары прозвучал удивленно, но без испуга. Она даже не обернулась сразу.

Из коридора вышел Степан Вересков. Потер ладонью щёку и поморщился, увидев муку на полу. На брюках у него белела полоса от стены. Я знала эту сонную злость: так он смотрел, когда я будила его к обеду раньше, чем хотелось.

Он встал поперёк прихожей. Ширины дверного проёма хватало как раз на его плечи; протиснуться можно, только если отойдёт. От рубашки пахло табаком и потом. Я раньше говорила, что пора стирать, он отвечал: ещё чистая. Я попробовала пройти в комнату: там оставались вещи, паспорт в ящике комода. Хоть забрать своё. Но он не сдвинулся с места.

— Отойди, — сказала я. Голос сорвался, превратившись в сухой треск.

Степан посмотрел поверх Вариной головы и кивнул на мешок. Моего лица он, похоже, вовсе не замечал. Ждал, пока я нагнусь, оттащу муку и перестану портить ему день.

— Дом мой, — произнес он медленно, растягивая слова, будто объяснял ребенку правила игры. — Лодка моя. Делянки мои. Ты тут гость, Полина. Не смей разбрасывать свои пожитки. Убери этот мешок. Он заслоняет проход к варенью Вари.

Я ухватила за косяк. Под ладонью был тот наплыв краски, который мы никак не сошлифовали после ремонта.

Гость. Значит, мне надо спросить, можно ли снять сапоги? Можно ли заварить чай из моей же банки? Дрова я рубила за стеной этой прихожей; здесь отстирывала его рубашку после

охоты, когда кровь засохла на воротах. Промысловиков кормила за тем самым столом, возле которого стояла Варвара. У неё на столе уже было варенье. Для него теперь важнее освободить ей проход.

В горле так запекло, что хотелось закричать ему прямо в лицо. Мешок тяжёлый — поднять бы и бросить. На столе лежал хлебный нож, мой взгляд зацепился за чёрную рукоять, и я испугалась себя. Отвела глаза. Я пришла домой с мукой. До ножа он меня доводить не будет.

Я носком сапога пододвинула упавший мешок к середине прихожей. В то пространство, которое он называл «своим». Убирать муку перед Варварой, освободить ей дорогу к моему столу я не собиралась. Степан приоткрыл рот, посмотрел на мой сапог и обратно на мешок. Обычно я убирала всё до того, как он успевал пожаловаться. Сегодня придётся перешагивать.

Варвара наконец обернулась. Её губы дрогнули; большие голубые глаза сразу стали влажными. Пока Степан говорил, она смотрела совершенно спокойно. Слезы понадобились только сейчас.

— Степа, не ругайся, — прошептала она, подходя ближе и беря его под руку. Прижалась к нему плечом. Он не отстранился, как отстранялся от меня, когда ему было жарко. — У неё глаза красные. Наверное, простудилась в дороге. Ей надо отдохнуть, а ты на неё орешь...

От её сочувствия мне захотелось вытереть лицо рукавом. Она уже объяснила всё за меня: красные глаза, простуда, надо отдохнуть. Ни слова о халате. Можно пожалеть больную Полину, поставить ей чай — и снова обнять Степана, пока я буду благодарить их за заботу.

Я смотрела на эту куколку. На её тонкую шею, чистую кожу, на чужую руку у ворота моего халата. Он стоял мне двух месяцев подработки; она носила его, даже не взглянув на заплатку. Попросить снять? При них обоих? Я представила, как она стягивает его, а Степан велит мне отвернуться. Лучше уйти сейчас, пока они не придумали ещё чего-нибудь.

Стянула мокрую куртку и бросила рядом с мешком. На вешалке висела Варина кофточка, и расправлять для неё место я не стала. Уже развернувшись к выходу, вспомнила ключи в кармане брюк. До бабушкиной избы дойду. А куртку пусть поднимает сам.

Но когда я взялась за ручку двери, рука Степана метнулась вперед. Он схватил меня за предплечье. Большой палец прижал руку к кости так, что я вскрикнула. Он только подтянул меня ближе, не ослабляя хватки.

— Куда пошла? — рыкнул он, натягивая меня обратно внутрь. — Мы не закончили разговор. Если соседи увидят, что ты убегаешь, как воришка, они решат, что я тебя обижал. А я не хочу, чтобы обо мне говорили гадости. Заходи. Будем пить чай. Как нормальная семья.

«Нормальная семья» — это я за столом напротив Варвары? Перед соседями он сможет сказать: сидели, чай пили, никто Полину не выгонял. Я представила три чашки из моего сервиза и не смогла бы сейчас выпить ни глотка.

Под его пальцами болело предплечье. Там уже проступили белые вмятины; когда отпустит, нальются синяки. Уцепившись свободной рукой за косяк, я резко повернула локоть к себе. Его хватка соскользнула, ногти царапнули кожу. Выдернула руку и прижала к груди — чтобы снова не схватил.

— Отпусти, — процедила я сквозь зубы, глядя ему прямо в глаза. Впервые за десять лет я не отвела взгляд. — Меня тошнит от твоего запаха.

Степан выдохнул мне в лицо и замолчал. Наверное, пытался понять, ослышался или нет. Варя отступила к столу. Оба смотрели на меня, и впервые мне не хотелось объясняться.

Я вышла и захлопнула дверь перед его носом. С той стороны щёлкнул засов. Степан заперся от меня в доме, куда ещё утром я несла муку. Главное — не стучать. Не просить впустить. Сейчас это было труднее, чем вырвать руку.

На дорожке вода несла сосновые иголки. Я шагнула под край навеса, но косой дождь попадал и туда. Рубашка сразу прилипла к спине; потянула ткань от кожи, стало только холод-

нее. Возвращаться за курткой пришлось бы через Степана. Прижала локти к бокам и осталась под навесом.

С причала пришла пешком. Машины у нас не было, зонт оставила дома, остаток денег ушёл на муку. До города просто взять и уехать не получалось. В карманах лежали ключи и мелочь; я сунула туда руки, нашла тёплую пока ещё монету и стиснула её.

Дождь усилился. Капли били по щекам, смешиваясь со слезами, которые я не могла остановить. Вытерла нос запястьем, только размазала воду и сопли. Сейчас бы платок из оставленной куртки — и ещё одно унижение: даже его не забрала.

Я села на перевернутый деревянный ящик у стены. Обхватила колени руками, пытаюсь сохранить тепло, но ветер продувал насквозь. Спина прижалась к влажной древесине. Я считала секунды. Раз. Два. Три.

Степан должен выйти. Должен сказать: «Ладно, дура, заходи, замерзнешь». А я встану, вытру ноги и зайду? Потом, за чаем, ещё начну говорить потише, чтобы не обидеть Варю. От одной мысли об этом прижала колени крепче.

Четыре. Пять. Десять.

За дверью не было ни звука. Ни шагов. Ни голоса. Даже половица у порога не скрипнула. Я смотрела на окно. Занавеска не шевелилась, но за ней могли стоять. Степан любит выждать, пока я первая вернусь, первая скажу: ладно, забудем. Старалась сидеть так, чтобы через стекло не увидел моих слёз.

Холод проникал в кости. Зубы начали выбивать дробь. В тридцать шесть сижу под своей стеной и жду, когда разрешат войти. Ведь умела развести огонь в мокром лесу, одна таскала капканы — почему сейчас не могу просто встать? Изба в получасе ходьбы, ключи при мне. Всё это знала и всё равно сидела, стуча зубами. Ещё минуту, думала. Только ещё минуту.

За деревьями загудел мотор. Сначала не поняла, к нашему ли дому едут: дорога шла дальше, к лесу. Но свет качнулся по крыльцу и остановился прямо на мне. Квадроцикл затормозил в нескольких метрах от навеса. Из-за фар я не могла разглядеть, кто сидит за рулём.

Глава 2

Я зажмурилась, поднимая руку, чтобы прикрыть глаза.

Свет погас. Мужчина за рулём придержал квадроцикл, прежде чем слезть. Высокий, широкоплечий, в тёмной камуфляжной куртке. Лица я не видела — оно было скрыто под капюшоном и тенью. Он поправил колесо, провалившееся в размокшую колею. Я смотрела на его руки: перчатки промокли, но движения оставались спокойными.

По тому, как придержал колесо, узнала Оленева. Егерь заказника, Григорий. В посёлке о нём говорили вполголоса — и когда хвалили за найденных охотников, и когда жаловались, что не разрешил пройти с ружьём. Степан после таких встреч всегда возвращался злой.

Оленев остановился в нескольких шагах от крыльца. Посмотрел на освещённое окно, затем на мои мокрые рукава. Вопросов пока не задавал, и это позволило мне хотя бы перестать прятать лицо. Если спросит про Степана, разревусь опять.

Прижала ладони к коленям, чтобы не так заметно дрожали. Конечно, именно он должен был увидеть меня на этом ящике. На людях я ещё могла назвать поездку в район работой. Здесь даже придумать объяснение не получалось.

Оленев поднялся под навес, расстегнул куртку. Я хотела сказать, что до избы недалеко, что не надо, но он уже вынул руки из рукавов. Под капюшоном оказалось совсем знакомое лицо — видела его раньше возле магазина. Только никогда так близко. Подкладка была ещё тёплой. От ткани пахло смолой, табаком и мужским потом.

Он не сказал ни слова. Просто набросил ткань мне на плечи.

Рукав задел щёку. Я повернулась, чтобы ткань не попала в рот, и вдохнула запах мокрой шерсти и подкладки. Невольно прижалась щекой к подкладке. Ещё секунду назад с трудом выдерживала запах мужа; теперь хотелось укутаться с головой в чужую куртку. Чужой мужчина догадался, что мне холодно. Больше пока ничего — а я уже боялась, что заберёт тепло обратно.

Я подняла голову, пытаюсь встретиться с ним взглядом. Но он уже отступал назад, к своему квадроциклу.

— Спасибо, — прошептала я. Голос пропал.

Он не ответил. Только кивнул, коротко, резко. И завел двигатель.

Квадроцикл дёрнулся с места. Григорий объехал ящик, на котором я сидела, потом свет прошёл по забору и скрылся за поворотом. Снова слышен был один дождь, только теперь капли попадали на его куртку, а не на мою рубашку.

Мотор стих вдали. Я заправила руки в широкие рукава и обнаружила во внутреннем кармане смятую пачку спичек. Куртка была настоящая, ношенная — он снял с себя, не пожалел замочить. После Степанова «убери мешок» от этого чуть отпустило горло.

Я натянула куртку выше, вдыхая аромат смолы. Оленев уехал. Значит, подниматься с ящика всё равно придётся самой. Мне стало легче сердиться: согревшиеся пальцы уже могли держать ключ, а не только вцепляться друг в друга. До избы дойду, разведу огонь. Завтра буду решать, что делать дальше.

За спиной, в окне дома Вересковых, погас свет.

И донёсся смех Варвары.

Я поднялась с ящика. До бабушкиной избы было полкилометра; запасной ключ я держала в кармане брюк. Там давно никто не жил, но дверь откроется мне — без разрешения Степана.

Щепка только шипела. Поднесла вторую спичку, обожгла палец и бросила её в печь. От полена пахло мокрой землёй: гнилое, хоть топором руби, хоть уговаривай. Десять лет я колола дрова для Степана, складывала их в поленицу так, чтобы ни одна капля дождя не коснулась торца. А теперь я перебралась в бабушкину избу — с дырявой крышей, прогнившими рамами и печью, которая вместо тепла выплевывает чёрный, едкий дым прямо в комнату.

Я закашлялась, вытирая слезы тыльной стороной ладони, испачканной сажей. При кашле ломило под рёбрами. За комодом зеленела плесень; раньше там стояли зимние запасы, и мы вытирали стену, прежде чем заносить новые мешки. Теперь стену давно никто не трогал. От дыма зашипало под веками, в груди засвистело. Так начинались мои приступы; надо было скорее впустить воздух. Подошла к окну, обеими руками подняла шпингалет. Рама не поддавалась. Дерево разбухло от сырости, гвозди заржавели. Стукнула кулаком по стеклу — ни толку, ни воздуха. Ещё раз, сильнее. Злилась на раму, на себя, на то, что могу её разбить и потом же самой придётся чинить. Отступила, не разжимая кулаков.

Степан остался в тёплом доме, а меня вытолкнул в эту ловушку. Крышу не залатаешь тряпкой: нужны доски, рубероид, деньги, которых у меня не осталось после поездки. Через два дня кончатся крупы. За эти два дня никто из соседей даже не позвал меня к печи посушиться.

Пока я билась с окном, снаружи скрипнула калитка.

— Полин?

Марья Ивановна позвала вполголоса, со стороны забора. Обычно заходила без приглашения, несла то банку, то рецепт настойки, спрашивала, хватило ли нам соли на соленья. Сейчас оставалась за калиткой. Я ждала, войдёт ли, а она только поправляла платок. Теперь она смотрела на угол забора, где провисла проволока. Я раньше обещала её подтянуть. Видно, вспомнила тоже, но начать с забора не решалась.

— Степа сказал, что ты обокрала его перед уходом, — произнесла она, не поднимая головы. — Забрала деньги из заначки. Люди верят ему. В посёлке уже говорят... что ты истеричка. Что ты сама во всем виновата.

Я отпустила оконный шпингалет. Он щёлкнул слишком громко; Марья Ивановна обернулась к дорожке, словно Степан стоял у неё за плечом. Деньги из заначки — значит, уже успел рассказать.

— Обокрала? — переспросила я. Голос сорвался на визг. — Да я десять лет кормила этого кота! Я стирала, готовила, чинила сети, пока он пьянствовал с Варварой! Какие деньги?!

Марья Ивановна вздрогнула и попятилась к калитке.

— Ты кричишь, Полин. Как сумасшедшая. Степа прав. Тебе лучше успокоиться. Может, вернешься? Извинишься? Он простит, если ты извинишься перед Варварой. Девочка она молодая, ей тоже тяжело.

Марья Ивановна развернулась и пошла вдоль забора, шаркая валенками. Её спина ещё виднелась в дверном проёме, а я уже поняла: вернуться и спросить, нужна ли мне помощь, она не собирается. Марья Ивановна больше не позовёт меня за картошкой, продавщица теперь подумает, давать ли крупу в долг. «Степа прав». Она же видела нас всё это время. Я прикрыла дверь, чтобы не дышать дымом, и долго стояла у косяка, пытаясь не закричать ей вслед.

В животе громко заурчало. Вчера ела хлеб, сегодня ещё ничего; пока бранилась у окна, совсем забыла. Если сейчас не поем, и полено расколоть не смогу. Надо проверить подвал — бабушка говорила, с запасом лучше переборщить, чем зимой по соседям ходить.

В подвале должны оставаться банки. Бруснику варила три года назад, мёд заносили туда летом. Даже если картошка испортилась, сухие грибы сохранятся. Вспоминала каждую полку, пока доставала фонарик. Ночью вода в ведре уже замёрзла по краю; запасов хватит хотя бы до следующей поездки.

Я спустилась по скрипучей лестнице вниз. Фонарик в руке дрожал, выхватывая из темноты серые кирпичные стены. В подвале не было запасов. Даже полки сняли, оставили торчащие в кирпиче крепления. Ни банки, ни мешка картошки. Только пыль и запах гнили. Но на полу, среди мусора, валялся листок бумаги. Бумага была влажной, чернила расплылись, но я узнала этот шрифт. Чек из строительного магазина в райцентре. Дата: две недели назад. Сумма: восемьдесят четыре тысячи рублей. На имя Варвары Котовой. Стройматериалы. Гвозди, доски, лак, инструменты.

У полок остались светлые прямоугольники, а на двери — свежие царапины. Степан хранил здесь запасной инструмент и знал, где ключ. Сам по себе чек ничего не доказывал, но пустые полки я видела своими глазами. Они грабили меня заранее. Пока я ездила в район за продуктами, они вывозили моё хозяйство, продавали его или использовали для ремонта «их» дома. Это началось, пока я ещё спала рядом со Степаном. По вечерам обсуждали продукты и погоду, а они уже покупали доски на Варвару. И я таскала им муку, считая в дороге, сколько хлеба хватит на неделю.

Прижала чек к колену и взялась за стену. Ладонь соскользнула по мокрому кирпичу. На секунду лестница качнулась перед глазами; я знала, что это не лестница, но подняться всё равно не смогла. Попробовала выпрямиться, но сразу закашлялась. Ступень была рядом, а дойти до неё не получалось. На сгибе куртки нашарила карман, промахнулась мимо молнии: пальцы плохо слушались. Опустилась на колени. Вдох никак не заканчивался — хватало на полглотка и тут же надо ещё. Так было при астме, когда давно не случался приступ и я успевала поверить, что больше не вернётся. Нужно достать ингалятор, просто расстегнуть карман.

Фонарик покатился по полу, остановился у лестницы. Пыталась вдохнуть и слышала только тонкий свист. Господи, неужели здесь и умру? Рядом банки, которых нет, и мокрый чек на чужое имя. Даже вызвать кого-нибудь не успела.

Глава 3

Дверь подвала распахнулась. Свет сверху ударил в глаза, ослепив. Тяжелые шаги внизу. Кто-то спускался быстро, уверенно, не глядя по сторонам.

Передо мной возникли высокие резиновые сапоги и край куртки цвета хаки. Запах. Резкий, свежий, хвойный запах леса, смешанный с запахом пороха и холодного металла. Григорий Оленев.

Он не спрашивал разрешения. Он не говорил слов утешения. Он просто присел на корточки, его лицо было скрыто тенью от козырька шапки. Я видела только подбородок, покрытый жесткой щетиной, и губы, плотно сжатые в тонкую линию.

— Вставай, — приказал он. Он говорил близко к моему уху, достаточно громко, чтобы я слышала сквозь кашель.

— Не могу, — просипела я. — Плесень...

Оленев ничего не ответил. Он подхватил меня под локти и помог подняться по ступеням. У раскрытой входной двери он усадил меня на низкую лавку. Я смогла расстегнуть карман и достать свой ингалятор. Григорий придерживал меня, пока приступ понемногу отступал. Только убедившись, что я снова дышу, он взял монтировку у печи и вернулся к подвальному окошку. Гнилая рама поддавалась с треском. Теперь я не полезу за припасами в запертую сырость.

Он стоял в дверях, приглядываясь к тому, как я дышу. Я убрала ингалятор в карман и отвернулась: стыдно было за сажу на щеках, за грязные колени. Оленев придвинул дверь шире. Жалеть меня вслух, к счастью, не собирался.

— Твоя проблема, — сказал он, убирая монтировку за пояс. — Но в этой тайге гостей не бросают. Хозяев — тем более.

Я одёрнула рубашку. При Степане могла ходить с пятном от супа — он давно не смотрел. Перед Оленевым хотелось хотя бы умыться. Он поправил монтировку за поясом и ждал, пока отдышусь; объяснить ему, почему хозяйка избы довела себя до такого, я не могла.

Телефон в кармане вибрировал. Раз. Два. Три раза. Я достала его трясущимися руками. У открытой двери экран казался почти чёрным; я отвернула его от света. Сообщения от общих знакомых. «Поля, Степа говорит, что ты угрожала ему ножом». «Вернись, он простит». «Не позорь посёлок».

Я посмотрела на Оленева. Он заметил экран, прочитал одно сообщение вслух, не взяв у меня телефон:

— «Истеричка».

Оленев прочитал ещё одну строчку и отвёл глаза от экрана. Угол его рта дёрнулся.

— Всем сразу не отвечай, Полина. Дыхания не хватит. Сначала сядь нормально.

Я убрала телефон. Промолчать не значило согласиться со Степаном; сейчас мне действительно нужен был воздух, а не ещё одна ссора.

Он протянул руку. На ладони белели мозоли. Оленев подождал, пока я уберу телефон, потом протянул её ближе. Встать бы могла и сама, цепляясь за стену, но сил больше не осталось. Решилась взяться: от того, что приму руку, бабушкина изба чужой не станет.

Я положила свою ладонь в его. Он удержал мою ладонь, пока я распрямляла ноги. На секунду прижалась к его груди — выровнять дыхание, только для этого. И сразу пожалела, что придётся отойти. На куртке у его груди застряла хвойная иголка. Я смотрела на неё, чтобы не смотреть в лицо: стояла слишком близко и боялась, что поймёт, как не хочется отходить. Потом всё же подняла глаза, заметила светлый шрам на скуле.

— Спасибо, — выдохнула я.

Он не ответил. Он отвел взгляд к стене, к месту, где раньше было окно. Потом подвинул табурет к стене и помог сесть. Сам отступил к двери. На меня никто больше не нависал; наконец смогла отряхнуть колени, как хотелось, а не пряча руки.

— Крыша течет, — сказал он, указывая на потолок. — Завтра привезу доски.

— У меня нет денег, — возразила я.

— У тебя есть руки. И голова. Этого хватит.

Он повернулся, чтобы уйти. Но вдруг остановился. Медленно обернулся и посмотрел на половицу у порога. Ту самую, старую, темную, которая всегда скрипела громче других. Степан любил сидеть именно там, считая деньги после удачной охоты.

Оленев наступил каблуком на доску. Звук был глухим. Нестандартным. Пустым.

Он наклонился, поддел монтировкой край доски и приподнял её. Под ней лежал свёрнутый пакет с бумагами.

— Степа думает, что ты наивная, — произнес Оленев ровным голосом, не глядя на меня. Он достал пакет и положил мне на колени. — Он тут деньги прятал? Проверь, что ещё осталось.

Я развернула бумаги. На верхнем листе стояли знакомые фамилия и подпись.

— Это договор на землю. Я подписывала, а он потом сказал, что потерял.

— Значит, не потерял, — ответил Григорий.

Провела пальцем по фамилии, потом перечитала первый лист. Он столько раз говорил «моё», что я почти перестала помнить, как сама ездила подписывать этот договор. Участок под нашим домом и соседней бабушкиной избой арендован на имя Полины Вересковой. До продления договора — месяц. Это ещё не давало мне права выгнать Степана одним словом, но без моей подписи он не мог распоряжаться землёй. А бабушкина изба досталась мне по наследству; её он точно не имел права отбирать.

Я хотела обрадоваться, но не смогла. Степан сразу хватится пакета, когда придёт сюда. И догадается, у кого бумаги. Прижала их к коленям, боясь даже разложить на столе: как будто он уже мог увидеть через окно.

Оленев протянул руку, помогая мне встать с табурета. И в эту секунду тишину прорвал рёв квадроцикла за тонкой стенкой избы. Степан приехал. И он был не один.

— Не открывай, — сказал Григорий.

Я сунула бумаги под куртку. Степан с Варварой обошли двор, подёргали дверь сарая и уехали: я слышала её смех и его обещание «зайти завтра». В эту ночь я впервые спала с документами под подушкой.

За ночь выпал первый снег. Вода капала прямо в угли. Шипение напоминало о вчерашнем кашле. Заболею — придётся ехать в район; билет я уже сейчас купить не могу. Сунула под течь ведро и полезла заткнуть щель старой тряпкой. Пальцы одеревенели, тряпка падала. Когда услышала мотор, обрадовалась и тут же разозлилась на себя: опять жду, чтобы пришёл кто-то и сделал за меня.

Дверь скрипнула. Григорий Оленев вошел молча, ставя на пол тяжелый ящик. Сухие доски пахли смолой; ладонь на чистом торце осталась сухой.

— Мне не нужна твоя жалость, — выплюнула я, чувствуя, как горло перехватывает стыд.

Григорий снял перчатки, положил их на ящик и начал снимать прогнившие доски с навеса, чтобы добраться до края крыши, игнорируя мои слова. Его широкая спина взмокла даже на холоде. Пока он примерял первую доску, я стояла без дела. Самой было противно: о жалости сказала громко, а молоток так и лежал у моих ног. Но уходить я не собиралась. Это мой дом — и чинить его я буду рядом, а не смотреть из угла. Я взяла второй молоток.

— За доски рассчитаюсь обедами. Туристов из твоего глэмпинга тоже могу кормить.

Григорий прикинул что-то, глядя на печь.

— Попробуем с одной группы. Не тяни всё сразу.

Помощь стала сделкой: он чинит крышу, я кормлю его и зарабатываю на следующий ремонт.

У стропил торчал ржавый гвоздь, на нём висела табличка «Верескова». Прибивали вместе, десять лет назад. Я подавала, Степан держал молоток. Тогда казалось само собой разумющимся, что и через двадцать лет будем чинить этот навес вдвоём. Я провела ладонью по знакомым буквам и вспомнила, как Степан смеялся, когда табличка повисла криво. «Хозяйка пришла». Тогда так меня называл. Рука соскользнула. Боёк молотка ударил по большому пальцу, разорвав кожу. На доске осталось несколько красных капель. Я попыталась прикрыть палец ладонью, только размазала кровь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.